

Глава 104. Сейчас увидимся!

Пока Шифо пожирал его душу, Цзян Чаньюань вдруг увидел проблеск надежды. Из разорванного горла вырвался дикий хохот, похожий на карканье ночной вороны, зловещий до дрожи.

— Ха-ха-ха... Так и знал, Фу Шэн... Ты всего лишь держался из последних сил, чтобы обмануть меня...

Расфокусированные глаза перекатились и уставились на Цзян Тана. У того от слёз уже покраснели веки.

— Хочешь узнать... как уничтожить... сильную душу?

— Нужно лишь запереть её... в прекрасном сне... чтобы в самом конце, умирая... душа тоже поверила... что умерла... и перестала сопротивляться...

— Цветы в зеркале... луна в воде... цветы в зеркале... луна в воде... ха-ха-ха...

Цзян Тан метался от боли и паники. Казалось, в груди у него разом вцепились десятки рук и рвали сердце на части. Ему было не до воплей Цзян Чаньюаня. Он кое-как поднялся с пола, обеими руками обхватил лицо Фу Линцзюня и легко похлопал его по щекам.

Никакой реакции.

Он проверил дыхание: медленное, тёплое. Он ещё дышал.

Но как бы Цзян Тан ни тормозил Фу Линцзюня, тот не отзывался.

Что делать? Если Фу Линцзюнь и правда угодил в устроенный Цзян Чаньюанем сон и там дойдёт до уготованной ему смерти, то в реальности даже не поймёт, что этот сон его убивает. Он действительно умрёт. Душа покинет плоть, а тогда спрятанные где-то остатки души Цзян Чаньюаня получат готовое тело даром.

Он должен был что-то придумать. Должен был разбудить его. Должен был найти его!

Вдруг Цзян Тан что-то вспомнил. Он поспешно бросился к Цзян Чаньюаню и, не обращая внимания ни на смрад, ни на жалкий вид его нынешнего тела, принялся лихорадочно шарить у него за пазухой.

— Ищешь благовоние, притягивающее души... — шея Цзян Чаньюаня была вывернута под

жутким углом, но он всё равно смотрел на Цзян Тана. — Ты не сможешь войти... тот сон я создал... специально для него...

Цзян Тан не ответил. Наконец он нащупал маленький пузырёк, открыл его и принялся. Запах был в точности таким же, как тот, что остался на Фу Линцзюне.

Это и было благовоние, притягивающее души.

Он не знал, как им пользоваться, но, похоже, достаточно было просто вдохнуть запах. Поэтому Цзян Тан несколько раз глубоко вдохнул, спрятал пузырёк за пазуху и поспешил обратно к Фу Линцзюню.

Поддержав его лицо ладонями, Цзян Тан наклонился и прижался лбом к его тёплым бровям.

Быстрее. Ещё быстрее! Их души уже однажды сливались, и, кажется, тогда стоило ему вот так прикоснуться, как он мог почувствовать чужую душу. Он должен найти Фу Линцзюня и вытащить его из этого сна!

Но так же, как он не мог добиться отклика от тела Фу Линцзюня, он не мог нащупать и его душу. Та уже утонула в другом сне. Цзян Тан не чувствовал его присутствия, будто душа Фу Линцзюня вовсе исчезла.

— Нет... не выходит! — снова и снова Цзян Тан касался своим лбом его лба.

Без помощи самого Фу Линцзюня он просто не знал, как это сделать. В полном отчаянии он бросился обратно к Цзян Чаньюаню, сорвал с шеи прозрачный шарик и поднёс к нему:

— Говори! Как... войти в сон!

Цзян Чаньюаня и без того пожирал Шифо, и рано или поздно меч должен был отыскать и проглотить все остальные осколки его души, разбежавшиеся по свету.

Единственный шанс спастись для него заключался в том, чтобы Фу Линцзюнь умер раньше.

Так с чего бы ему помогать Цзян Тану?

— В том сне нет тебя... — рассмеялся Цзян Чаньюань отвратительным скрежещущим смехом.
— Даже если ты и правда сумеешь войти... и попробуешь разбудить его силой... навлечёшь лишь гибель тела... и рассеяние души...

— Там есть всё, что ему дорого... кто сможет устоять... когда те, кого он собственными руками

убил... снова ожили... перед такой прекрасной мечтой...

— Это он сам... не хочет просыпаться... никто его не разбудит...

Стиснув зубы, Цзян Тан со всей силы ударил его по лицу и по-китайски отборно выругался:

— Это ты сдохнешь! И сдохнешь скверно!

После этого он снова кинулся к Фу Линцзюню и начал пытаться снова и снова.

Солнечный луч понемногу смещался и всё глубже падал в комнату с настежь распахнутой дверью. Когда свет вновь коснулся Цзян Тана, он вдруг почувствовал, что у него за пазухой что-то нагрелось.

Он нащупал это и вытащил две гадательные палочки. Перевернул их и увидел: слабым светом мерцала вовсе не счастливая палочка с надписью «Когда цинь и сэ звучат в согласии, всё в мире тихо и прекрасно», а та пустая, которую старый даос когда-то без раздумий вытащил из цилиндра.

Теперь в мягком сиянии на ней медленно проступали иероглифы: «Призови душу — и обними».

Именно об этом сейчас думал Цзян Тан.

«Когда цинь и сэ звучат в согласии, всё в мире тихо и прекрасно... Ну да, хорошо, очень хорошо». Перед глазами будто снова возник старый даос, морочивший людям головы. Тогда он долго шуровал рукой в цилиндре с гадательными палочками, а потом выбрал одну и протянул Цзян Тану. «Держи, это тебе. Хочешь — бери, не хочешь — не бери. Но если уж старик что-то подарил, обратно не забирает».

В тот момент Цзян Тан, только что выслушавший строчку «Десять лет — живым и мёртвым врозь, и нет друг другу вестей», разумеется, не собирался верить в такие вещи. Но потом палочка с добрым предзнаменованием пришлась ему по душе; к тому же обе были лёгкими, красивыми и удобными, так он и носил их с собой.

Выходит, та палочка вовсе не была подарена случайно.

Выходит, это и правда было желание, оставленное ему стариком!

Цзян Тан тут же крикнул:

— Сян Син! Сян Син!

Прежде Сян Син, выполняя приказ Фу Линцзюня, сразу вышел из обители Десяти Сторон и без нового дозволения не смел входить. Всё, что произошло потом, прошло мимо него. Лишь услышав голос Сяо Бая, он со своим привычным грохотом, будто маленькое землетрясение, ринулся обратно.

Он чувствовал состояние тела Фу Линцзюня. Раз с телом всё было в порядке, он ничего не заметил.

— Хозяин... почему... спит? — непонимающе спросил он, присев рядом и с любопытством разглядывая спящего Фу Линцзюня. Для него это было всего лишь сном.

— Ты должен... обязательно нас сторожить, — очень серьёзно сказал Цзян Тан. — Не дай... никому... потревожить наши тела. Жди... пока мы не проснёмся.

Сян Син медленно моргнул.

— Сяо Бай... ты тоже... хочешь спать?

Цзян Тан на миг замолчал, а потом улыбнулся и кивнул:

— Угу. Немного... посплю.

— Хорошо.

Сян Син опустился на землю всей своей громадой и заслонил их от разваливающегося тела Цзян Чаньюаня.

— Сяо Бай, спи.

У Цзян Тана защемило в груди.

Он не знал, сможет ли вернуть Фу Линцзюня. Цзян Чаньюань сказал: Фу Линцзюнь сам не хочет просыпаться.

Прах самых близких людей сожгли и превратили в благовоние, притягивающее души. Значит, в том сне его родные, его клан, его друзья наверняка живы и здоровы. Там не было ни убийства собственных близких, ни безумия, до которого его довели. Не было тысяч лет страданий под печатью долины Тяньбэй. Там он просто вырос как прирождённый верховный из Гуанлина.

Он был бы господином Юйанем, ярким, гордым юношей, а не великим демоном, которого все боялись и презирали.

И как в таком мире он мог захотеть проснуться?

Если только...

Цзян Тан медленно сжал в руке бамбуковую палочку с надписью «Призови душу — и обними», опустил голову и очень тихо прижался лбом к бровям Фу Линцзюня.

Его душу подхватила мягкая сила и бережно втянула в другой мир.

— Если только я не стану в этом сне тем, кого ты любишь сильнее всех.

Тихий шёпот — и его душа нежно обняла душу Фу Линцзюня.

* * *

Очнувшись, Цзян Тан ещё не открыл глаз, а тянущаяся сквозь сон боль уже начала понемногу возвращаться. Он инстинктивно болезненно застонал:

— Мм...

Он хотел сказать, что ему больно, но из горла вырвался только звук, похожий на всхлип.

Тоненький, мягкий, жалобный — совсем как у зверёныша, которого ещё не отняли от матери.

Постойте... Неужели в этом мире он снова превратился в пушистый комок? Только не это. Он пришёл сюда не отдыхать. Как ему будить Фу Линцзюня, если он опять стал пушистиком?

Цзян Тан резко распахнул глаза. Сквозь мутное зрение он увидел, что половину обзора заслоняют высокие цветы и трава. В оставшейся половине стоял немного пухлый ребёнок лет восьми-девяти. По крайней мере, лицо у него было круглое, да и протянутая к нему беленькая ручка тоже выглядела очень пухлой: все пять пальцев толстенькие, а на тыльной стороне ладони даже виднелись глубокие ямочки.

Вообще-то ужасно мило.

Стоило Цзян Тану открыть глаза, как ребёнок тоже увидел его и сразу радостно улыбнулся. Улыбка у него была заразительная, счастливая до предела.

— Собачка, маленькая собачка!

Голос был мягкий, сладкий, с той чистой детской наивностью, какая бывает только у детей, выросших в тепле и любви.

А потом он ещё и показал щербинку на месте переднего зуба.

Ну надо же, человеческий детёныш как раз в том возрасте, когда меняются зубы. От этого он стал ещё милее.

Вот только милый милым, а почему опять «собачка»? Цзян Тан же ясно видел у себя пушистый, как облако, хвост. Он выглядел как настоящий благой зверь. И, по его скромному мнению, был настолько хорош, что даже холодный и бесчувственный босс Фу, увидев его таким, не удержался бы и тайком не погладил пару раз.

То ли это было самовнушение, то ли нет, но Цзян Тану казалось: лицо этого малыша ему знакомо. Будто он где-то уже видел его раньше. Но, как ни странно, даже с его хорошей памятью нужный образ в голове не всплывал, и сейчас он не стал над этим ломать голову.

Прежде всего ему нужно было как можно скорее найти Фу Линцзюня.

Но стоило попытаться сдвинуться с места, как сквозная сонная боль хлестнула снова. Болела задняя лапка. Белый пушистый мех на ней был перепачкан кровью, непонятно, обо что он её поранил. Шевельнуть ею было невозможно: любое движение тянуло за собой целый всплеск боли.

— Собачка... — ребёнок быстро подбежал ближе, присел на корточки и осторожно потрогал оба его длинных уха.

Потом он заметил кровь на лапе пушистика, и в его глазах, похожих на две чёрные виноградины, тут же заблестели слёзы. Губы жалобно поджались, и он, рыдая, закричал:

— Толстый братец! Толстый братец!.. У-у-у... Толстый братец...

Плакал он так, будто поранили вовсе не Цзян Тана, а его самого.

Вскоре издали донёсся топот. Судя по звуку, веса там было немало: бежал человек с размахом, почти как Сян Син.

И очень скоро пушистый комок поднял глаза и увидел ещё одно до боли знакомое лицо.

Это был белокожий пухлый юноша. Ростом высокий, но и мяса на нём хватало: и на лице, и на теле. В руках он держал бумажный свёрток. Услышав плач ребёнка, он подбежал, тяжело дыша, и выдавил между вдохами:

— Маленький... предок... ты опять... что случилось?

С этими словами он ещё и протянул свёрток ребёнку. Развернул бумагу: внутри оказалось полно засахаренных фруктов.

Малыш плакал и одновременно сунул в рот одну штуку. Щёки сразу надулись, жевать было тяжело, но он всё равно, всхлипывая, отодвинулся и дал пухлому юноше посмотреть на белый комочек:

— Он сейчас умрёт... у-у-у... Толстый братец, спаси его...

Цзян Тан: «...»

Это кто тут собрался умирать? Он ещё живее всех живых!

Но этого пухлого юношу он тоже где-то видел.

Цзян Тан несколько раз перевёл взгляд с одного на другого и наконец сопоставил их лица с тем, что уже хранилось в памяти.

Да ведь это же младший брат Фу Линцзюня из того сна! Только теперь он был чуть постарше. Тогда едва ли доходил брату до колена, а сейчас, кажется, уже дорос бы до первого класса. Пухлый юноша тоже заметно возмужал по сравнению с тем, кого Цзян Тан видел во сне. Ему можно было дать уже лет двадцать. Настоящий взрослый мужчина — только, похоже, за собственным ртом не следил, вот и располнел.

Пара пухляшей, один большой, другой маленький.

Пухлый юноша присел на корточки и посмотрел на раненого белого комочка в траве. Такой красивой зверушки он ещё никогда не видел, и ему ужасно захотелось её потрогать. Так что он не удержался, протянул руку, погладил уши Цзян Тана, а заодно и тот пушистый мягкий хвост.

Мягко, гладко, на ощупь просто восхитительно. Потрогал — и на лице сразу проступили удовлетворение и восторг.

— Не умрёт он. Просто ранен, — бережно сказал он, поднимая пушистый комочек на ладонь. — Пойдём, найдём твоего брата. Он наверняка знает, что с этим делать.

У Цзян Тана мгновенно встали торчком оба уха. Он шустро сел, и даже хвост у него от радости закачался.

У младшего братца старший брат — это ведь и есть Фу Линцзюнь! Вот уж правда: не успел войти, а удача сама пришла в руки.

<http://bllate.org/book/17032/1722569>